

ПОНЯТИЯ «СТИЛЬ» И «СТИЛЬ НАУЧНОГО МЫШЛЕНИЯ»

Отмечая сложность интерпретации понятия «стиль» в разных сферах науковедения, автор подробно останавливается на уточнении специфики понятий «стиль» и «стиль научного мышления».

То, что именно слово «стиль» закрепляется в научно-философском языке в качестве термина, обозначающего одно из новейших понятий современного науковедения, в исторической ретроспективе представляется фактом далеко не случайным. Здесь можно ставить вопрос о вполне закономерном результате (с точки зрения логики) эволюции понятия стиля от античности до середины XX века, когда оно, пройдя ряд исторически обусловленных ступеней смыслообразования (в риторике, литературе, искусстве, философии), применяется, наконец, для характеристики качественно нового этапа в развитии естественных наук (и прежде всего физики) для обозначения коренного гносеологического и логико-методологического (когнитивного) «сдвига» в концептуальных основаниях естественно-научного мышления вообще. Конкретно, речь в данном случае идет о таких категориях современного научного мышления, как «дополнительность», «неопределенность», «вероятность». Именно для осмысления тех глобальных перемен, которые вызвали эти категории в XX веке в научном подходе к миру, и была предложена концепция «стилей» научного мышления представителями так называемой «копенгагенской интерпретации» квантовой механики (Н. Бор, М. Борн, В. Гейзенберг, В. Паули).

Однако, постановка проблемы стиля научного мышления в науке принадлежит Э. Шредингеру, который еще в 1932 г. (см. его статью «Обусловлено ли естествознание окружающей средой?») размышлял (несомненно, под влиянием идей О. Шпенглера) над фактом существенной детерминированности жизни, творчества, мышления и науки историческим, культурным и духовным своеобразием соответствующей эпохи. А между тем известно, что Шредингер (как и Эйнштейн и ряд других выдающихся физиков XX столетия) не принял «копенгагенской интерпретации» математического формализма новой механики по принципиальным философским соображениям. Таким образом, с самого начала исследований проблемы стилевой детерминации науки противостояли две концепции стиля научного мышления. Причем и у Борна и у Шредингера (и у О. Шпенглера) везде

употребляется слово «стиль» как термин, обозначающий понятие научного мышления в его культурно-историческом, этно-психологическом, логико-методологическом и конкретно-научном измерениях. Но почему же именно слово «стиль»?

Слово «стиль» [1] стало в XX столетии неотъемлемой частью не только профессионального (специализированного) языка, но и обыденной (культурной) речи, причем каждый раз, в каждом отдельном контексте употребления оно передает всегда особый, всегда неповторимый, всегда уникальный смысл предмета речи (устной или письменной), а равно и самой вот этой индивидуальной формы выражения.

И все же, несмотря на принципиальный полисемантизм, различные значения и смыслы слова «стиль» можно сгруппировать по некоторым весьма общим и наиболее употребительным признакам. Прежде всего, это, конечно, эстетический смысл слова, что вполне понятно, потому что центром, из которого оно распространилось во все другие области человеческого общения, познания и деятельности, было (и является), как известно, искусство. Литература составляет важнейшую часть искусства, и отсюда другой смысл слова - стиль языка, выражаясь несколько старомодно, слог (например, писателя), но не только. Данное значение слова реализуется во всех возможных сферах человеческого общения, ср. «стиль общения». Различают также стили деятельности (практической и духовной) и в этом смысле говорят о стиле работы, о стиле жизни и мышления, о стиле руководства, о стиле политического деятеля, ученого, спортсмена, модельера и т.д. Очень часто, особенно в быту, о стиле говорят как о характерной манере вести себя, говорить, одеваться и т.п. Наконец, различные способы летоисчисления (старый, юлианский и новый, григорианский) тоже называют «стилями» (календарные стили).

Если рассматривать слово «стиль» в качестве научного термина, то и в этом отношении проявляется его исходная многозначность, оно используется в самых различных областях науки, получая различные, далеко не совпадающие определения. Так, в искусствоведении «стиль» означает структурное единство образной системы и приемов художественного выражения, порождаемое живой практикой развития архитектуры, изобразительного и декоративно-прикладного искусства [2]. В литературоведении «стиль» выступает в качестве объединяющего и организующего начала художественной формы произведения как формы содержательной [3]. А вот в лингвистике это - качество высказывания, обусловленное отбором конститутивных элементов данного языка, которое употребляется в определенных обстоятельствах (простой стиль, небрежный, изысканный, искусственный, иносказательный, метафорический, абстрактный и т.д.) [4], причем различают стили собственно языка (его стилистические расслоения) и индивидуальные или групповые стили мастеров слова (и то и другое изучается как литературоведами, так и языковедами). В науковедении же «стиль» объединяет используемые на каждом историческом этапе научного познания фундаментальные категории и понятия, методы, принципы и схемы объяснения. Коротко говоря, для античного мышления, например, основным способом получения знания является наблюдение, для Нового времени - эксперимент и аналитический подход, а для

современной науки - целостный и многосторонний охват объекта исследования (синтетический подход). «Стиль мышления» в науковедении (примерно с 60-х гг. XX в.) означает совокупность соответствующих для каждого выделенного этапа и группирующихся вокруг основного способа получения знания характерных познавательных форм [5].

Как видно, «стиль» как слово и научный термин характеризуется очень широким (в принципе бесконечным) спектром семантических возможностей. Но все же понятие о нем в одном существенном отношении имеет общий, вполне определенный и инвариантный смысл - в какой бы сфере человеческой деятельности (духовной или практической) и в каком бы контексте ни применялось это понятие, оно всегда выражает формы специфически человеческой активности, т.е. формы, в которых реализуются (воплощаются, объективируются) внутренние сущностные силы человека, и поэтому не имеет смысла безотносительно к последнему. Другими словами, понятие стиля всегда относится к человеку, к особому способу его бытия (деятельности) и к его созданиям, выражая в каждом конкретном случае прежде всего и главным образом их своеобразие, отличительные признаки, характерные особенности, индивидуальные черты, придаваемые им человеком, одним словом, специфику. Вследствие этого, понятие стиля не может быть отнесено, например, к природе, поскольку оно фиксирует самовыражение, активное (сознательное или бессознательное) самопроявление человека во вне [6], т.е. оно выражает исключительно субъективные (в широком смысле слова, как идущие от субъекта в целом, обусловленные, самообъективированные им) стороны внешних предметов, процессов или явлений, так или иначе вовлеченных в сферу человеческой жизнедеятельности.

Последнее особенно важно подчеркнуть еще и потому, что именно субъективный (в указанном смысле, и самый решающий, определяющий) аспект понятия стиля позволяет адекватно интерпретировать выражения, которые включают соответствующий термин. Так, мы говорим часто «образ жизни», понимая под этим термином всю жизнедеятельность людей в целом (от объективно-экономических условий до индивидуально-психологических нюансов), тогда как «стиль жизни» означает только субъективную сторону человеческой деятельности, а именно - мотивы, формы и ориентации решений, поступков, повседневного поведения индивидов, семьи, социальной группы [7].

В XX веке понятие стиля было перенесено из области теории и истории искусства в область методологии и логики научного познания, и предпосылкой этого послужили те драматические события (известные экспериментальные открытия), которые произошли в фундаментальной науке (физике) на рубеже двух последних веков и которые показывали, что научное мышление стоит на пороге принципиально нового, качественно отличного от предыдущего, этапа своего развития. Уже А.Пуанкаре в статье «Новые концепции материи» (одна из последних работ выдающегося физика и математика, который в ряду первых осознал кризис основополагающих принципов классической механики), писал о непримиримой борьбе между «двумя стилями мышления - одного, характерного для атомистов... и

другого, присущего приверженцам идей непрерывности и бесконечности» [8]. Другой выдающийся ученый, математик и философ А. Уайтхед в своей книге «Наука и современный мир» (1925 г.) рассматривал вопросы возникновения и развития современной (начиная с Нового времени) науки исключительно под углом зрения понятия стиля мышления [9]. Все же непосредственным стимулом к разработке данного понятия послужили идеи, выработанные представителями «копенгагенской школы» физиков (см. выше) в ходе философских обобщений принципов новой, неклассической механики, эвристическая ценность которых рассматривалась ими далеко за пределами собственно теоретической и прикладной физики. Исходным пунктом послужили размышления М. Борна о качественно, концептуальном отличии логико-гносеологических и методологических основ квантовой механики от классической, выразившегося в формировании принципиально нового «стиля» научного мышления. Тот факт, что при этом М. Борн использует термин и понятие, относящиеся к совершенно иной (гуманитарной) области знания, свидетельствует отнюдь не о механическом переносе терминологии или просто метафорическом выражении, а, скорее, об имплицитном соединении в его концепции «стилей научного мышления» двух исторически разных традиций науковедческого анализа - чисто методологического, ограничивающего свою предметную область только методами и средствами научного познания и культурологического, включающего науку в более широкий контекст вненаучных форм и способов осмысления действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. См. Большой англо-русский словарь. Т.2. - М., 1988. С.574. Итальянско-русский словарь.-М., 1963. С.844. Немецко-русский словарь. - М., 1966. С.784. Новогреческо-русский словарь. - М.,1961. С.610. Словарь современного русского литературного языка. Т.4. - М.,Л. 1963. С.873-880. Французско-русский словарь. - М.,1987. С. 859-860 и др.
2. Эстетика. Словарь. - М., 1989. С. 333.
3. Словарь литературоведческих терминов. - М., 1974. С. 375.
4. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. - М.,1960. С.298.
5. Философский энциклопедический словарь. - М., 1983. С.404.
6. Философская энциклопедия. Т. 5. -М., 1970. С.135.
7. Философский энциклопедический словарь. С.654.
8. Пуанкаре А. О науке. -М.,1990. С.643.
9. Уайтхед Ф. Избранные работы по философии. - М., 1990ю С. 57, 62, 65-68, 71, 90, 91, 97-99,105, 156, 200, 257 и др.